

*Юрис Розенвалдс
(Рига, Латвия)*

ПРОБЛЕМА «(ДЕ)ГЕРМЕТИЗАЦИИ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО МЕНЬШИНСТВА

Задачей этой статьи является рассмотрение влияния русскоязычного населения Латвии и Эстонии на формирование и развитие политических элит этих стран, иными словами, тенденции политической интеграции вторых по величине языковых общин Латвии и Эстонии. В силу ограниченности рамками статьи я делаю упор на констатацию положения, сложившегося за двадцать лет восстановленной независимости, не претендуя на более глубокое и развернутое рассмотрение причин, обусловивших различие ситуаций в Латвии и Эстонии. Учитывая, что понимание современной ситуации невозможно без обращения к истории, свое рассмотрение начну именно с этого.

Исторический экскурс

История русскоязычных общин Латвии и Эстонии восходит еще к XI—XII векам, когда здесь появились первые русские торговцы и обозначилось военное присутствие древнерусских княжеств; однако вплоть до XVIII века, когда Латвия и Эстония были включены в состав Российской империи, восточнославянское население этих стран оставалось крайне малочисленным и в основном состояло из старообрядцев, поселившихся здесь после церковной реформы 1650—1660-х годов.

По переписи 1897 года восточные славяне составляли 12 % населения Латвии и 4 % жителей Эстонии. В результате присоединения к Эстонии по Тартускому миру 1920 года территорий на восточном берегу реки Нарвы и окрестностей города Печоры удельный вес восточных славян в населении Эстонии возрос до 8,2 %, в Латвии же и после достижения независимости он сохранился на уровне немногим более 12 %. В довоенных Латвии и Эстонии законодательство предоставляло меньшинствам широкие права как в области культуры и образования, так и в политической жизни. Русские как национальное меньшинство участвовали в выборах в Конституционное собрание Латвии и во всех четырех выборах в Сейм (парламент), получая при этом от 4 до 6 % голосов. Это означало и соответствующее число депутатов Сейма, поскольку в довоенной Латвии не было процентного барьера на парламентских выборах. Латвия и Эстония играли значительную роль в жизни белой эмиграции.

Ситуация существенно изменилась в связи с насильственным включением этих стран в состав сталинского СССР летом 1940 года. За послевоенные годы этнический состав населения Латвии и Эстонии драматически изменился (табл. 1).

Таблица 1

**Удельный вес титульных наций и восточных славян
в Латвии и Эстонии, %**

Национальность	1897	1922/ 1925	1934/ 1935	1959	1979	1989	2000	2009/ 2011
Латыши в Латвии	68	73,4	75,5	62,0	53,7	52,0	57,7	59,5
Восточные славяне в Латвии	12	12,6	12,1	30,9	40,0	42,0	36,4	33,3
Эстонцы в Эстонии	91	87,6	88,1	74,6	64,7	61,5	67,9	68,7
Восточные славяне в Эстонии	4	8,2	8,2	22,3	32,0	35,2	29,0	28,9

Причиной тому стали репрессии и депортации 1940–1950-х годов вкрупне с форсированной индустриализацией, которая продолжалась вплоть до конца 1980-х годов. Наряду с чисто экономическими соображениями значительное место в процессах индустриализации занимали и геополитические – стремление «улучшить» этнический состав населения выходцами из «старых», прежде всего славянских, республик. В результате активной миграции рабочей силы (табл. 2) радикально изменились количественные пропорции титульных наций и приезжего русскоязычного населения. К 1989 году доля восточных

славян по сравнению с довоенной демографической ситуацией в Латвии возросла в 3,5, в Эстонии — в 4,3 раза. В Латвии в конце 1980-х годов русские составляли 42 % населения и были большинством во всех крупных городах (в Эстонии — 35,2 %). Не менее важно, что катастрофические для коренных наций Латвии и Эстонии демографические изменения повлекли за собой и существенную трансформацию общественных настроений: значительная часть латышей и эстонцев стала ассоциировать «русское» с «советским» и возлагать на послевоенных мигрантов ответственность за пережитое в годы советской власти. Этому в значительной степени способствовало и то обстоятельство, что удельный вес восточных славян в компартиях балтийских республик в послевоенные годы значительно превышал их удельный вес в населении Латвии, Литвы и Эстонии. Так, на начало 1980-х годов коммунисты титульных национальностей в компартиях этих республик были представлены следующим образом: в Литве — 69 %, в Латвии — 39 %, в Эстонии — 52 %.

Таблица 2

Приток трудовых мигрантов в Эстонию и Латвию, тыс. чел.

Годы	Эстония	Латвия	Литва	Всего
1965–1969	45	71	29	145
1970–1974	40	64	40	144
1975–1979	24	46	31	101
1980–1984	31	45	59	135

Взаимное отчуждение усугублял и сформировавшийся за годы советской власти «асимметричный билингвизм» — существенные различия в уровнях владения русским языком представителей титульных наций и языками титульных наций — приезжего русскоязычного населения. Так, по результатам переписи населения 1979 года русским языком владели 52,1 % литовцев, 56,7 % латышей, 24,2 % эстонцев. При этом языком титульной нации владели 37,4 % русских, проживающих в Литве, 20,1 % — в Латвии и 13 % — в Эстонии.

Следует отметить и существенные различия между Латвией и Эстонией в плане формирования русскоязычных общин, которые вплоть до настоящего времени влияют на характер и перспективы политического участия этих общин. Первое различие связано с тем, что русскоязычная община в Латвии исторически была более многочисленной, организованной и образованной. Следующее различие связа-

но с традициями расселения. В Эстонии русскоязычное население сосредоточено в основном в северо-восточной части страны (в Нарве эстонцы составляют только 4 %, в Кохтла-Ярве – 21) и в Таллине (где восточные славяне представляют 44,5 % населения). На остальной территории Эстонии русскоязычное население относительно малочисленно. Эта географическая разобщенность является фактором, объективно препятствующим интеграции крупнейших этнических общин. В Латвии же русскоязычное население распределено гораздо более равномерно: не только в больших городах, но и в сельской местности, особенно в Латгалии – восточной части Латвии, а традиции совместного проживания гораздо более сильны. Следует отметить также то, что в Латвии традиционно распространены межнациональные браки. Это характерно и для советского периода, и для наших дней. В 2008 году около 20 % латышей заключали браки с партнером из другой этнической группы. В Эстонии этот показатель примерно в два раза ниже. Наконец не менее важны доминирующие в обществе настроения, определяющие «климат» межнациональных отношений. В этой связи следует упомянуть опубликованные в 2009 году результаты исследования положения меньшинств в Европейском союзе, которые свидетельствуют о том, что русские в Латвии гораздо реже, чем в Эстонии, сталкиваются с проявлениями дискриминации на основе этнической принадлежности.

Так, на вопрос «Ощущали ли Вы в течение последних 12 месяцев дискриминацию, связанную с Вашей этнической принадлежностью?» положительный ответ дали 17 % русских, проживающих в Эстонии, 5 % – в Латвии, 4 % – в Литве, 27 % – в Финляндии (Источник: EU MIDIS – European Union Minorities and discrimination survey, 2009).

Возвращаясь к событиям 1988–1991 годов, отметим, что в новых условиях, которые возникли в Латвии и Эстонии с началом перестройки, русскоязычные общины балтийских республик разделились в отношении к процессам «национального пробуждения», которые стремительно развернулись в конце 1980-х годов с созданием народных фронтов осенью 1988-го, противостоянием мятежных республик союзному «центру» и, наконец, восстановлением независимости Латвии и Эстонии в августе 1991-го. В общих чертах во взглядах представителей русскоязычных общин на происходившие в Латвии и Эстонии процессы демонтажа советской системы, восстановления положения языков титульных наций и постепенного движения к обретению утраченной в 1940 году независимости можно выделить три наиболее типичных позиции.

Во-первых, часть русскоязычного населения пыталась активно противодействовать происходившим изменениям, принимая участие в работе созданных в противовес народным фронтам «интернациональных» фронтов и движений. Значительное число занимало нейтральную позицию, полагая, очевидно, что усиление самостоятельности балтийских республик и даже восстановление их независимости принесет им социально-экономические выгоды, по сравнению с которыми возможные риски в плане языка и образования казались менее значимыми. Иными словами, в сознании большей части русских сработала «инерция нормальности» — представление, что существовавшая в СССР привилегия его русскоязычных жителей иметь возможность получения образования, удовлетворения культурных потребностей и доступа к информации на русском языке в любом уголке Советского Союза есть что-то само собой разумеющееся (подробнее см. [3]). И наконец, многие — прежде всего представители русскоязычной гуманитарной интеллигенции — активно участвовали в работе народных фронтов. Процентное соотношение вышеуказанных групп не было одинаковым в различных балтийских республиках, это зависело от таких факторов, как удельный вес так называемых «старых русских» (проживавших в них еще до установления советской власти) и готовность руководства народных фронтов к диалогу с русскоязычной общиной.

Следует учитывать также, что в годы «песенной революции» в Латвии и Эстонии активно обсуждались два пути перехода к независимости. Первый можно назвать «социально-реалистическим», поскольку он стремился учесть послевоенные реалии и заручиться поддержкой всех жителей, независимо от их национальности. В Эстонии и Латвии его представляли народные фронты. Второй — «легалистский» — путь, который проповедовали так называемые «гражданские комитеты», основываясь на утверждении об антиправовом характере советской власти и рассматривал послевоенных приезжих как нелегальных иммигрантов, что по определению исключало какое-либо их участие в политической жизни.

В Латвии число «старых русских» было наибольшим среди всех балтийских республик. Первое поколение руководителей Народного фронта уделяло большое внимание работе с русскоязычной частью населения, в результате чего росла поддержка идеи независимости среди латвийских русских, а «гражданские комитеты» не занимали столь радикальной позиции, как в Эстонии. Так, в 1989 году эту идею поддержали 55 % латышей и 9 % русских, а в 1991-м — 94 % латышей и 38 % русских.

В результате к каждой из вышеуказанных групп, по оценкам экспертов, в 1991 году принадлежала примерно треть русскоязычных жителей Латвии и активно против идеи независимости выступали 20–30 %.

Именно то обстоятельство, что две трети русских относились к усилиям Народного фронта Латвии либо нейтрально, либо положительно, стало решающим фактором, позволившим стране (несмотря на то, что латыши составляли немногим более половины ее жителей) достичь независимости мирным путем, избежав каких-либо серьезных столкновений на этнической почве.

О различиях в позициях нетитульного населения балтийских республик можно косвенным образом судить по результатам состоявшегося в феврале – марте 1991 года выяснения мнения жителей республик по вопросу о независимости, которое в Латвии и Литве называлось «избирательной консультацией», а в Эстонии – «референдумом» (он проводился в балтийских республиках как альтернатива инициированного М. Горбачевым всесоюзного референдума о сохранении Союза ССР). В Латвии и Литве в голосовании могли принимать участие все избиратели, в Эстонии – лишь граждане довоенной Эстонской Республики или их прямые потомки, а также лица, сделавшие устное заявление о поддержке независимости Эстонской Республики и получившие так называемые «зеленые карточки» от «гражданских комитетов» (около 25 тыс. человек). Как следует из таблицы 3, в Латвии оказался самый высокий уровень явки избирателей и число проголосовавших за независимость было значительно выше, чем удельный вес латышей в населении республики. Для сравнения: в Литве удельный вес проголосовавших за независимость оказался ниже, чем количество литовцев, проживающих в республике.

Таблица 3

**Результаты референдумов о независимости Балтийских республик
(февраль – март 1991 года), %**

Республика	Явка избирателей	Проголосовали за независимость		Удельный вес титульных наций
		Из явившихся	Из всех избирателей	
Эстония	82,9	77,8	64,5	61,5
Латвия	87,6	73,7	64,5	52,0
Литва	84,7	90,2	76,5	79,6

К сожалению, многие обещания, данные в годы «песенной революции» и особенно в период подготовки референдума о независимости, были не выполнены после достижения независимости Латвией и Эстонией. Политическое руководство Латвии и Эстонии сделало выбор в пользу «легалистского» пути, восстановив в своих правах граждан довоенных республик, а это, в свою очередь, означало, что послевоенные приезжие и их потомки были лишены политических прав и могли получить их только путем натурализации.

В наши задачи не входит выяснение того, были ли эти решения результатом эйфории первых месяцев восстановленной независимости, когда давление реальности вдруг «испарилось», или, наоборот, частью заранее продуманного плана, а также ответ на вопрос о том, насколько эти решения способствовали (или препятствовали) достижению социальной стабильности. Несомненно одно: для значительной части русскоязычных общин Латвии и Эстонии это существенно ограничило возможность влиять на происходящие в республиках процессы и привело к маргинализации политических лидеров русскоязычного населения.

«Герметизация» или «дегерметизация»?

После восстановления государственной независимости Латвии и Эстонии процессы политического участия русскоязычных общин этих стран имели целый ряд схожих исходных предпосылок и характеристик, хотя в целом они развивались по существенно различным траекториям и привели к разным результатам.

Начнем с общих черт. И в Латвии, и в Эстонии проблема политического участия русскоязычных общин была и остается тесно связана с проблемой гражданства. В результате миграции советских лет и реализации вышеупомянутого «легалистского» подхода число бывших граждан СССР, не получивших гражданство восстановленных государств автоматически, составило около 715 тыс. в Латвии и около 500 тыс. человек в Эстонии. В Эстонии процесс натурализации начался в 1992 году, в Латвии — в 1995-м. Если в Эстонии в начале натурализации ее условия были сравнительно либеральными и в дальнейшем требования были несколько ужесточены, то в Латвии процессы развивались в противоположном направлении: от непомерно жестких ограничений в начале натурализации к либерализации требований после принятия поправок к закону о гражданстве в 1998 году. В результате максимум натурализации пришелся в Эстонии на 1993—1997 годы.

В Латвии можно выделить два пика данного процесса: первый пришелся на годы сразу после принятия поправок к закону о гражданстве, второй — на период после вступления Латвии в Европейский союз. В последние годы темпы натурализации значительно снизились: в 2010 году — 1184 человека в Эстонии и 2336 в Латвии, что может быть объяснено рядом причин, среди которых не последнюю роль играет недостаточная мотивация самих претендентов на латвийское и эстонское гражданство (рис. 1).

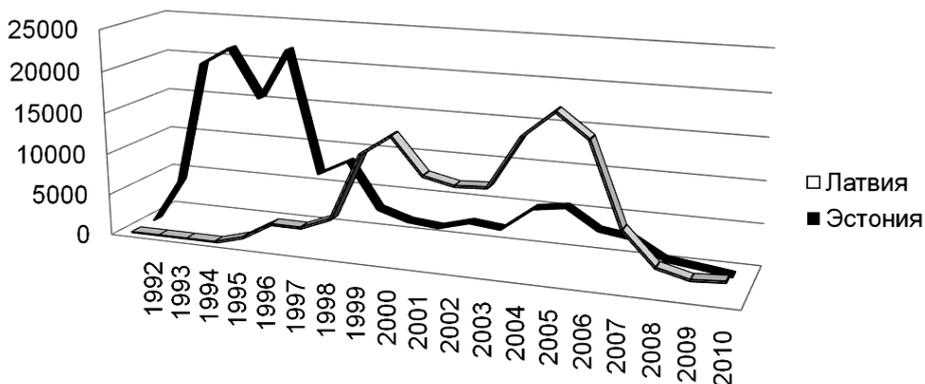

Рис. 1. Темпы натурализации в Латвии и Эстонии

В настоящее время удельный вес граждан в Латвии и Эстонии примерно одинаков: 84,2 % в Эстонии (2011) и 84,4 % в Латвии (2009). В то же время существенно отличается структура остальных 15 % жителей (табл. 4, 5). В Латвии и Эстонии различен удельный вес граждан других стран в составе их населения. Таковыми являются 21,2 % русских Эстонии и только 3,3 % русских Латвии. В Эстонии 38,4 % русских — лица без гражданства, в Латвии, напротив, 42,85 % проживающих там русских — «неграждане Латвии», что подразумевает правовой статус, отличный от статуса лица без гражданства.

Таблица 4

Гражданство и этническая принадлежность населения в Эстонии, %

Нация	% от общего числа		Граждане			Лица без гражданства
	жителей	граждан Эстонии	Эстонии	России	других стран	
Эстонцы	67,9	84,2	99,0	0,1	0,0	0,8
Русские	25,6	12,9	40,4	20,9	0,3	38,4
Другие	2,9	2,9	35,7	13,5	8,7	42,1

Таблица 5

Гражданство и этническая принадлежность населения в Латвии, %

Нация	% от общего числа		Граждане		Неграждане Латвии
	жителей Латвии	граждан Латвии	Латвии	других стран	
Латыши	58,8	73,5	99,7	0,15	0,08
Русские	28,6	19,2	54,0	42,65	3,3
Другие	12,6	7,3	46,6	48,1	5,1

Хотя Латвию и Эстонию объединяет проблема «дефицита демократии», проявляющаяся в отстранении значительных групп налогоплательщиков от национальных выборов, между этими странами существуют некоторые различия в плане правовых рамок участия неграждан в политических процессах. В Эстонии, например, они уже с начала 1990-х годов имеют право голоса на муниципальных выборах, а в Латвии неграждане могут быть членами политических партий и тем самым оказывать опосредованное влияние на политическую ситуацию.

Отметим, что одним из препятствий на пути к полноценному участию в политических процессах русскоязычного населения Латвии и Эстонии, которое имеет гражданство и обладает правом на подобное участие, является значительно более низкая степень политической активности данной категории граждан, чем представителей титульных наций. Например, согласно опросам конца 1990-х годов, в подписании петиций в Эстонии участвовали 12,1 % эстонцев и 10 % неэстонцев, в Латвии – 13,5 % латышей и 7,4 % нелатышей [2]. Эту тенденцию подтверждает опрос, проведенный в Латвии в 2010 году: существенных различий в активности на выборах между русскоязычными гражданами республики и латышами нет, чего не скажешь о таких важных для демократии формах политического участия, как общественные организации, общественные обсуждения, профсоюзы, подписание петиций – здесь она у русскоязычных жителей значительно ниже (табл. 6).

Таблица 6

Уровень политического участия жителей Латвии в 2010 году, %

Показатель	Латыши	Русскоязычные
Участие в выборах	69	65
Подписывали петиции	42	17
Участие в общественных организациях	40	30
Членство в профсоюзах	12,5	8,1
Участие в общественных обсуждениях	14	7

Какова роль представителей русскоязычного населения в процессах формирования и воспроизводства политической элиты Латвии и Эстонии, в какой степени можно говорить о «герметизации» политических элит балтийских стран, иными словами, об их замыкании в рамках титульных наций? Этот вопрос следует рассматривать на трех уровнях: муниципальном, национальном и, наконец, наднациональном (европейском).

Учитывая то, что политический процесс и в Латвии, и в Эстонии основан на особой роли политических партий, которые играют главенствующую роль на муниципальных и парламентских выборах, равно как и на выборах в Европейский парламент, прежде всего следует обратиться к особенностям партийных систем этих республик, которые наиболее ярко проявляются на парламентских выборах.

Характерной чертой партийной системы Эстонии является слабость и разобщенность «русских» партий, которые добились наибольшего успеха на выборах 1995 года (выборы 1992-го ими бойкотировались), когда им удалось набрать 5,87 % голосов. На последующих выборах их результаты были гораздо скромнее (в 1999 году – 2,03 %, в 2003-м – 2,44, в 2007-м – 1,2), а на выборах 2011 года «русские» партии и вовсе набрали менее 1 % голосов. Как показывают результаты опросов, русскоязычные избиратели Эстонии голосуют за эстонские партии, среди которых особенно выделяется Партия центра, лидер которой – бывший руководитель Народного фронта Эстонии Эдгар Сависаар (табл. 7).

Таблица 7

**Результаты голосования на парламентских выборах
в Эстонии в 2007 году, %**

Партия	Эстонцы	Восточные славяне
Союз Pro Patria и ResPublica	11,5	1,9
Народный союз Эстонии	5,8	1,3
Партия реформ	22,7	3,9
Социал-демократы	10,3	1,3
Партия центра	12,9	51,6
Зеленые	7,6	0,6
Конституционная партия	0	0,6
Русская партия	0	0,6
Левая партия	0,1	0
Не ответили	27,3	37,4

Процентное соотношение проголосовавших за партию Сависаара эстонцев и восточных славян Эстонии оставляет место для дискуссий об ее «эстонском» характере. Впрочем, и за такие «эстонские» партии, как Союз ProPatria и ResPublica, Народный союз Эстонии и социал-демократы, русскоязычные избиратели отдали больше голосов, чем за традиционно «русские» партии. Все вышесказанное позволяет выдвинуть предположение, что в ближайшем будущем монополия эстонцев на определение путей развития эстонского общества и государства не будет поколеблена.

Совсем другую картину представляет партийная система Латвии, где отчетливо проявляется связь между этнической принадлежностью и поддержкой определенных партий (табл. 8).

Таблица 8

Этническая структура поддержки партий населением Латвии, %

Партия	Национальность		
	Латыши	Восточные славяне	Другие
Новое время	93	3	4
Народная партия	93	5	2
ЗаПЧЕЛ	19	74	7
Партия народного согласия	14	81	5
Союз зеленых и крестьян	95	4	1
ТГБ-ДННЛ	91	7	2
Первая партия	90	8	2
Социал-демократы	53	39	8

Источник: Nicolo Group, 2004; Auers, Ikstens, 2005.

Из таблицы 8 следует, что в 2004–2005 годах «русскими» можно было считать партию «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ) и Партию народного согласия (на ее основе позднее сформировалось объединение «Центр согласия»). Проведенный в связи с выборами 2010 года опрос показывает, что на них за Центр согласия проголосовало 75,6 % русских граждан и 9 % латышей, а за крупнейшее «латышское» политическое объединение «Единство» – 3,8 % русских и 38 % латышей.

Сказанное не исключает того, что на протяжении двадцати лет восстановленной независимости различные политические силы стремились заручиться поддержкой русскоязычных избирателей, что делает задачу квалификации латвийских партий по этническому при-

знаку достаточно сложной. Одно несомненно: в отличие от Эстонии электоральная поддержка «русских» партий в Латвии имеет тенденцию к возрастанию (рис. 2).

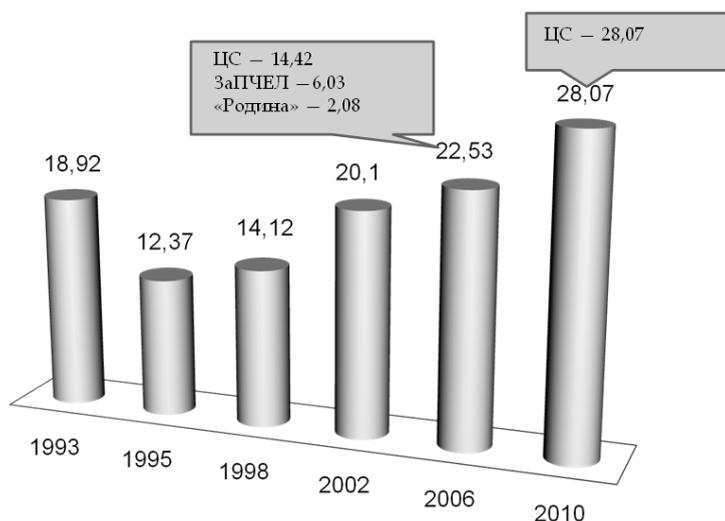

Рис. 2. Поддержка «русских» партий на парламентских выборах в Латвии, %

Различие между Латвией и Эстонией проявляется и в значительно большем (и растущем) числе депутатов нелатвийского происхождения в латвийском парламенте. Так, в эстонском парламенте в 1992 году не было депутатов, не принадлежавших к титульной нации, в 1995-м их количество составило 6 человек, в 1999-м – 6, в 2003-м – 5, в 2007-м – 6, в 2011-м – 7. В латвийском парламенте таких депутатов в 1993 году было 12, в 1995-м – 10, в 1998-м – 17, в 2002-м – 22, в 2006-м – 23, в 2010-м – 23. Результатом всего вышесказанного стало то, что вхождение Центра согласия – наиболее влиятельной в последнее время политической силы, ориентирующейся на поддержку русскоязычных избирателей, – в правящую коалицию превратилось сегодня в вопрос практической политики. Важно отметить, что, в отличие от предыдущих лет, само обсуждение этой перспективы не вызывает шока у латвийских политиков и подавляющего большинства рядовых латвийских избирателей. Можно утверждать, что еще более актуальным этот вопрос стал в связи с проведенными в сентябре 2011 года внеочередными парламентскими выборами.

С точки зрения «классических» западных представлений о «нормальных» партийных системах наличие ярко выраженных этнических партий является аномалией, поскольку тем самым проблемы межэт-

нических отношений отодвигают на второй план единые для всего общества социально-экономические проблемы, что может привести к дестабилизации. Тем не менее, обращаясь к анализу политических процессов в Латвии и Эстонии, можно утверждать, что в известных условиях наличие этнических партий может быть и стабилизирующим фактором. Основания для такого утверждения дает сравнение двух кризисов последних лет, которые оставили заметный след в латвийской и эстонской политике. Речь идет о протестах против школьной реформы в Латвии в 2004–2005 году и событиях вокруг «бронзового солдата» в Таллине в 2007 году.

Протесты в Латвии, несмотря на их массовый характер, прошли исключительно мирно, не было зарегистрировано никаких серьезных конфликтов между их участниками и полицией. Представляется возможным утверждать, что это в значительной мере было обусловлено тесной связью между организаторами протестов и представленными в Сейме Латвии «русскими» политическими партиями, что во многом определило стремление организаторов удержать все в рамках легального политического поля. События вокруг «бронзового солдата» в Таллине такой связи не имели (в основном в силу слабости и непопулярности «русских» партий), что способствовало усилению роли стихийной компоненты и переходу протестов в конфронтацию с силами правопорядка.

Возвращаясь к вопросу о тенденциях развития политических элит Латвии и Эстонии, можно сделать вывод, что в Латвии намечается тенденция к «дегерметизации» политической элиты и вполне реальной становится возможность появления в составе правительства в ближайшее время министров — представителей национальных меньшинств, значительно возрастет влияние политических сил, поддерживаемых русскоязычными избирателями, и, как следствие, можно ожидать потепления межнациональных отношений в целом. В то же время следует отметить, что эта тенденция пока никоим образом не сказывается на этническом составе государственного и муниципальных аппаратов, которые в Латвии традиционно почти исключительно моноэтничны. Сложившаяся ситуация может быть объяснена рядом причин (традиционная — еще с довоенных времен — ориентация латышей на работу в государственном аппарате, языковые требования, которым не всегда соответствуют нелатышские кандидаты на места в органах власти, формирование бюрократической верхушки из выдвинутых правящих «латышских» партий и др.). Тем не менее ясно, что она не вполне соответствует демократическим принципам формирования бюрократического аппарата в многонациональном государстве.

Общая тенденция к «дегерметизации» политической элиты Латвии проявляется и на муниципальном уровне, хотя здесь также не все однозначно. С одной стороны, характерной чертой всех муниципальных выборов, проведенных в годы восстановленной независимости, является то, что удельный вес русскоязычных депутатов ниже удельного веса не только восточных славян в населении Латвии, но и русских, украинцев и белорусов среди граждан Латвии. Эта тенденция прослеживается, несмотря на то что в последнее время все большее число депутатов самоуправлений вообще не указывают своей этнической принадлежности (табл. 9). С другой стороны, характерной чертой последних муниципальных выборов становится возрастающая роль политических сил, за которые голосуют в основном русскоязычные избиратели. На выборах 2009 года объединение «Центр согласия» добилось повышения своего представительства во всех крупных городах, но наибольшего успеха оно достигло на выборах в столице, набрав 37,59 % голосов и завоевав, таким образом, 26 из 60 мест в Рижской городской думе. Если на предыдущих выборах голоса русскоязычных избирателей распределялись между несколькими политическими силами (рис. 3), которые зачастую не были примером эффективного сотрудничества, на выборах 2009 года русскоязычные рижане единодушно проголосовали за «Центр согласия». В предыдущем составе Рижской думы (2005 – 2009 годы) представители меньшинств составляли 30 % депутатов, после выборов 2009 года их удельный вес возрос до 50 %. С 1 июля 2009 года мэром Риги является председатель объединения «Центр согласия», экономист и журналист Нил Ушаков. Его родители приехали в Латвию в конце 1940-х годов, а сам он стал гражданином Латвии в 1999 году посредством натурализации.

Таблица 9

Этнический состав депутатов местных самоуправлений Латвии, %

Национальность	1997	2001	2005	2009
Латыши	93,9	92,4	82,6	72,1
Русские	3,3	4,4	4,4	4,0
Поляки	1,0	1,1	0,8	0,7
Литовцы	0,9	1,0	0,8	0,5
Украинцы	0,0004	0,1	0,1	0,3
Белорусы	0,4	0,7	0,2	0,2
Другие	0,1	0,3	0,5	0,4
Национальность не указана	—	—	10,6	21,8

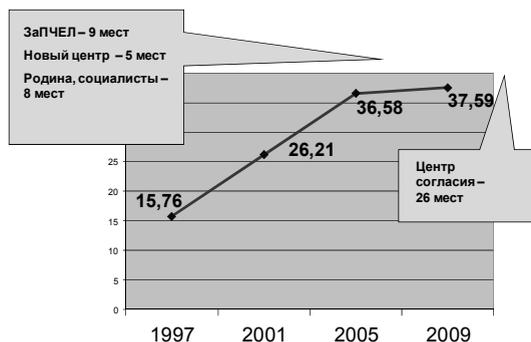

Рис. 3. Поддержка «русских» партий на муниципальных выборах в Риге (% голосов «за» и число мест в городской Думе – из 60)

Обратимся к вопросу о представленности политической элиты Латвии и Эстонии в Европейском парламенте. После вступления этих республик в Европейский союз в них дважды – в 2004 и 2009 годах – прошли выборы в Европарламент. В Эстонии шесть отведенных ей мест традиционно занимают депутаты-эстонцы (табл. 10). Одно место в 2004-м и два в 2009 году были у Партии центра, за которую традиционно голосует значительная часть русскоязычных избирателей (одно из мест получил Эдгар Сависаар).

Таблица 10

Депутаты Европарламента, избранные от Эстонии

2004		2009	
Тоомас Хендрик Илвес	Социал-демократическая партия	Эдгар Сависаар	Партия центра
Марианне Микко	Социал-демократическая партия	Кристиина Оюланд	Социал-демократическая партия
Ивари Падар	Социал-демократическая партия	Ивари Падар	Социал-демократическая партия
Сири Овиир	Партия центра	Сири Овиир	Партия центра
Тунне-Валдо Келлам	Союз Pro Patria и Respublica	Тунне-Валдо Келлам	Союз Pro Patria и Respublica
Тоомас Сави	Партия реформ	Индрек Таранд	Независимый

Существенно иная ситуация сложилась в Латвии, где на выборах 2004 года «русские» партии получили 10,66 % голосов (1 место из 9), а на выборах 2009-го – 29,23 % (3 места из 8) (рис. 4). В результате в 2004 году первым в истории русскоязычным депутатом Европарламента была избрана представительница ЗаПЧЕЛ Татьяна Жданок. В 2009 году она стала им повторно и к ней присоединились представители Центра согласия Александр Мирский и Альфред Рубикс. Вопрос о том, насколько деятельность Татьяны Жданок в качестве европарламентария и ее усилия по созданию некоей надгосударственной русскоязычной политической организации отражают интересы русскоязычной общины Латвии, выходит за рамки данной статьи, однако несомненно то, что она не укладывается в представления о некоей этнической замкнутости репрезентации латвийской политической элиты на европейском уровне.

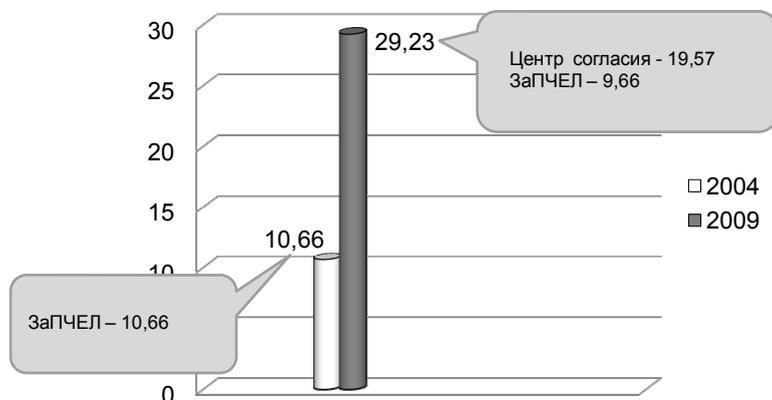

Рис. 4. Поддержка «русских» партий на выборах в Европарламент в Латвии, %

Каковы перспективы?

В заключение несколько слов о перспективах. Мне представляется, что усиление политической роли русскоязычных общин Латвии и Эстонии в ближайшем будущем (несмотря на сегодняшние различия между этими странами) – это закономерный процесс, который тесно связан с дальнейшей демократизацией общественно-политической жизни балтийских стран, ростом взаимного доверия между представителями различных общин Латвии и Эстонии. Последнее, в свою очередь, предполагает нахождение разумного компромисса в тех вопросах, которые не были рассмотрены в моей статье, а именно в по-

нимании сложных исторических судеб Балтии, в сближении основных характеристик политической культуры и повышении уровня взаимной культурной компетенции. Важной предпосылкой для обеих общин является изменение «вектора» мировосприятия – от концентрации на прошлых обидах (чему последние десятилетия истории Латвии и Эстонии дают обильную пищу) к ориентации на общие для всех жителей республик цели в будущем.

Что касается исключительно русскоязычных общин Латвии и Эстонии, важной предпосылкой усиления их политического влияния выступает то, что можно назвать «опорой на собственные силы». Под этим я понимаю как повышение уровня политической и общественной активности, так и освобождение от образа «руки Москвы» – осознание того, что при всем огромном значении сохранения и развития культурных связей с Россией проблемы балтийских русских в долгосрочной перспективе могут быть решены только ими самими. О том, что эти представления не являются плодом фантазии и чисто нормативными установками, свидетельствуют, как мне кажется, тенденции, наметившиеся в Латвии.

Список литературы

1. *Dreifelds J.* Latvia in Transition. Cambridge, 1996.
2. *Political Representation and participation in Transitional Democracies: Estonia, Latvia and Lithuania* / Loftsson E., Choe Y., eds. Sodertoerns hoegskola, 2003.
3. *Rozenvalds J.* Latvia After Twelve Years of Renewed Independence: the Search for Normality // Latvijas Universitātes Raksti. 663. sēj. Rīga, 2004.